

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

Г. И. ГЕРОВСКИЙ

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАПИСАНИЯ ЖЧ, ЖГ И Г
ПЕРЕД ПЕРЕДНИМИ ГЛАСНЫМИ

1

В древнерусских письменных памятниках новгородской традиции встречаются, как известно, написания со знаком *з* перед передними гласными в словах *Гюрги* (греч. Γεώργιος) и *дъжъзъ* с производными. Другой способ написания тех же слов — с употреблением знаков *жч* или *ж* (*дъжчъ*) — находим в древнерусских юго-западных памятниках; в киевских и северо-восточных памятниках находим *дъждъ*, в Киевской летописи — *Дюрди*. Возникает вопрос, соответствовала ли разница в написании этих слов каким-нибудь диалектным особенностям произношения в отдельных областях древней Руси.

Исследователи рассматривали указанные различные написания как отражение реальных особенностей древнерусских наречий. Считалось, что написание *дъжчъ* отражает западное или юго-западное (галицко-волынское) диалектное произношение, написание же *дъжъзъ*, *Гюрги* — произношение северных наречий древнего Новгорода и Пскова¹.

Относительно предполагаемого произношения древнерусских написаний *жг*, *жч*, *жд* мнения исследователей расходятся. Так, например, А. И. Соболевский отождествляет древнерусские написания *дъжчъ*, *рожчък* с нынешними диалектизмами: укр. *дощъ*, *ріще*, *прищати* или *вищати*, а также белорусским *дошчик*, *дощик*, считая при этом, что соединение букв *жч* обозначало произношение глухое, а не звонкое, т. е. равнялось произношению буквы *щ* в древнерусском. Подобным же образом новгородское написание *жг* Соболевский считает отражением действительно существовавшего там произношения². О том, что в памятниках после *жг* всегда пишется *ь* или *ю* и т. п., Соболевский не упоминает, хотя уже одно это обстоятельство делает невероятным предположение о возможности произношения типа *дъжж(ъ)*, *рожж(ъ)к*. При указании на произношение *дощъ*, *ріща* в украинском не учитывается существование этих слов в ряде украинских говоров и со звонкими согласными (*дождж*, *ріжджа*), а также то обстоятельство, что *ріща* восходит к образованию с суффиксом *-ька* (укр. *різка* из *розька*); ср. *розку*, *розка*, *розька* в Луцком евангелии XIV в.³.

¹ Ср.: А. Соболевский, Очерки из истории русского языка, ч. 1, Киев, 1884, стр. 110—112; е го же, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 35, 37, 38; Е. Ф. Б уд де, Лекции по истории русского языка, 2-е изд., Казань, 1913; Р. Брандт, Лекции по истории русского языка, М., 1913, стр. 15—16; А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 321—322; Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 177—179; К. Н. Меуер, Historische Grammatik der russischen Sprache, Bd. I, Bonn, 1923; W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, 2-е Aufl., Göttingen, 1924, стр. 352.

² А. Соболевский, указ. сочинения (см. те же страницы).

³ См.: е го же, Очерки из истории русского языка, стр. 45, 107; С. М. Кульбакин, Украинский язык, Харьков, 1919, стр. 41—42.

Ясно, что при глухом произношении *жч* не было бы никакой необходимости в новых комбинациях букв со звуковым значением обычной в древнерусском письме буквы *щ*. Р. Брандт правильно определяет звуковое значение написания *жч* западнорусских (дреговичских) и галицко-волинских памятников как *ж'д'ж'*, между тем как написание *жг* в новгородских и псковских памятниках он склонен читать как смягченное *ж'д'*¹.

А. А. Шахматов, признавая сочетание согласных *ж'д'ж'* из *зг* перед передними гласными и из *зд* перед *ј* характерным для большинства древнерусских наречий, считает написание *жч* принадлежащим южнорусским или юго-западным памятникам. При определении значения *г* перед гласными *е* и *и* Шахматов исходит из звучания его в соответствующих греческих именах и местных названиях. Так, *Герасимъ*, *кеюпѣтъ*, по его мнению, звучали *јерас'имѣ*, *јејун'ѣтъ* подобно тогдашнему греческому произношению, где *г(γ)* перед передними гласными звучало как *ј*. Полагая, таким образом, что знаком *г* перед передними гласными передавался *ј*, Шахматов читает новгородское *дѣжгъ* как *дѣж'јѣ*, приходя к заключению, что в новгородском говоре XI—XIV вв. заместителем праславянского *зг* перед передними гласными было *жј*. К этому Шахматов прибавляет и соответствующее изменение глухого сочетания *ск* перед передними гласными в *сх'* (где *х* является глухим вариантом средненёбного фрикативного *ј*): *искати*, *исх'еши*, что передавалось буквой *щ* (*ищѣши*). В этой связи Шахматов приводит и церковнославянские слова, где вместо *шт*, *жд* написано *ш*, *жг* или *жс*: *въжселаѣвши*, *прѣжге* (Минеи 1095 г.), *рождение*, *побѣжсень*, *чужсии* (Софийская псалтырь XIV в.) и *въжслѣѣвши*, *бездѣжсѣ*, *иженуть*, *свѣщении* и т. д.². Случай употребления *ш* вместо *щ* в церковнославянских памятниках Щепкин объясняет, пожалуй, более обоснованно как возникшие путем пропуска нижней черточки в начертании буквы *щ*³. Соответственно с этим можно считать вероятным, что и пропуск *д* или *г* в приведенных церковнославянских примерах нужно рассматривать как явление графическое. Написание *жч* в таких примерах, как *дѣжчъ*, *бежчѣны* «без жены» (Христианопольский апостол XII в.), Шахматов признает южнорусским способом письма с употреблением *ч* в значении *д'ж'*⁴.

В. Вондрак считал, что звуковое значение написания *жч* было сходно с сербским звонким *ђ* или венгерским *gy*⁵. Однако оба эти звука далеко не тождественны: *ђ* является звонкой смягченной аффрикатой, образуемой у края переднего нёба средней спинкой языка; фрикативная составная часть этой аффрикаты одинакова с польским смягченным *ż*⁶. От него коренным образом отличается *gy*, звучащее как смягченное альвеолярное *д'*.

В своей недавно вышедшей «Исторической грамматике» П. Я. Черных возвращается к мнению А. И. Соболевского, считая, что новгородское написание *жг* (в слове *дѣжгъ*) «поддерживалось произношением»; а возникло *ж'г'* «из *ж' д'*, которое в свою очередь из *ж'дж'*» (стр. 148—149).

2

При определении звукового значения написания *жч* является необходимым установить, употреблялся ли знак *ч*, обозначающий в традиционном кирилловском письме глухую аффрикату *т'ш'*, также и для обозначения соответствующей звонкой аффрикаты *д'ж'*. В пользу этого имеется

¹ Р. Брандт, указ. соч., стр. 15—16.

² А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 175—180, 264 и сл., 321.

³ В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, СПб., 1899, стр. 36.

⁴ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 175 и сл.

⁵ W. Vondrák, указ. соч., стр. 352.

⁶ Ср. О. Брок, Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 44 и сл., 70.

достаточное множество убедительных доказательств в изданных В. Розовым южнорусских грамотах XIV—XV вв.¹ Так, например, в грамоте татарского хана Тохтамыша польскому королю Ягайле 1393 г. имеется написание *Хожа* (стр. 48) (Курашкевич считает русский текст грамоты составленным в канцелярии короля Ягайлы). Тюркское слово *ходжа* «учитель, ученый» передано тут кирилловскими буквами: *Хожа*; сочетанию *дж* соответствует *ж* с надписанным сверху *ч* (*ж*). В галичской грамоте 1424 г. (стр. 106) встречается написание отчества *Жчюръвичь*, которое нужно читать как *д'ж'урж'евич* или, точнее, *д'ж'урд'ж'евич*. Аффриката *д'ж'* в начале слова передана здесь также соединением букв *жч*; внутри слова знак *ж* поставлен выше строки, *ч* пропущено ради краткости или по недосмотру. Для обозначения звонкого *д'ж'* в южнорусских грамотах могла употребляться и буква *ч*. Так, в грамоте литовско-русского великого князя Свидригайлы 1434 года находим семейное прозвище пана *ксиѡа Чусы* (стр. 128), т. е. *Есифа Д'ж'юсы* (род. п. ед. ч.). Можно бы думать, что упомянутое имя правильно читается *Есифа Чусы*, но против этого говорит встречающееся в другой грамоте того же князя Свидригайлы, написанной годом раньше (в 1433 г.), иное написание этого имени: «панъ андрѣи дчюса» (стр. 119). Ср. в другом месте: «приказъ па андрѣвъ дчюси-на маршалковъ» (там же).

В основе написания *дч* лежит тот же графический принцип, что и при написании *чж*. Из-за отсутствия установленного способа письменной передачи или особого знака писцы пользуются знаком *ч* для передачи звонкого *д'ж'*. С целью уточнить, что этот знак в данном случае обозначает звонкую, а не глухую, как обычно, аффрикуту, вводится знак *д* (перед *ч*) или *ж* (после *ч*), т. е. в обоих случаях знаки звонких согласных, присутствие которых в составе звонкой аффрикаты *д'ж'* при произношении действительно ощущалось. Знак *ч* мог и сам по себе употребляться для обозначения *д'ж'*. В подобном же значении употреблялся знак *ж*. В приведенной выше форме *Жчюръвичь* *д'ж'* в начале слова передано через *жч*, внутри же слова — через надстрочное *ж*. В той же грамоте 1424 г. читаем: «и своимъ братомъ ис жюръмъ перероскимъ» (стр. 106). Тут написание *жюръмъ* нужно читать *д'ж'урд'ж'ем*, как доказывает уже рассмотренное написание *Жчюръвичь*. В другой грамоте (1422 г.) буква *ж* употреблена и в начале слова: «па иванъ жюржевичь» (стр. 98). Чтение то же: *д'ж'урд'ж'евич*. Наконец, в тех же южнорусских грамотах встречается и написание *д'ж'* с тем же звуковым значением: ср. в грамоте 1394 г., составленной в канцелярии короля Ягайлы, название села — *Джюрвъ* (стр. 54).

3

В Ипатьевском списке встречается также написание *жч*. Как известно, этот список принадлежит перу севернорусского писца в Новгороде, который пользовался при этом южнорусским подлинником. Понятно, что при разном происхождении (в территориальном отношении) отдельных частей Ипатьевского списка в нем должны были отразиться различные местные влияния, в основе которых лежит не только различная диалектная принадлежность составителей отдельных частей, а также писцов, но и неодинаковые местные навыки письма. В этом отношении главная роль принадлежит несомненно Новгороду, где в XV в. был сделан дошедший до нас список. Такому состоянию языка и письма Ипатьевской летописи соот-

¹ См. В. Розов, Южнорусские грамоты, т. I, Киев, 1917.

ветствуют особенности в передаче слова *дождь*, которое встречается одновременно в трояком виде; тут чередуется *дождь* (1066), написанное книжным церковнославянским способом, с югозападнорусским написанием *дожць* [«онѣмъ же бующимся съ града и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы, акы *дожць*» (1097); «и бы *дожць*, и стече снѣгъ биймъ промысломъ» (1146)] и с новгородским написанием *дожжь* [«у се же лѣто бы без*дожжь*е» (1124); «*дожжь*ю бывшую и тучи велиции» (1114)]. В Лаврентьевской летописи, возникшей на северо-востоке (в Суздале-Владимире) в XIV в., отсутствуют последние два написания, и слово *дождь* встречается лишь в традиционной церковнославянской передаче [«того же лѣта, с весны, вѣтри силни быша, и *дождове*, и *громове*» (1300)]. Вероятно, Шахматов имел в виду Ипатьевскую летопись, отмечая, что написание *жч* (*дожць*) встречается иногда также в памятниках новгородского происхождения¹.

Для того чтобы определить звуковое значение *г* в слове *дъжьгъ*, нужно прежде всего установить его употребление в аналогичных случаях. Этим путем шел А. А. Шахматов (см. выше), сопоставляя *г* в *дъжьгъ* со звуковым значением этого знака в заимствованных из греческого словах и полагая, что знак *г* равняется здесь звуку *j*. Того же взгляда придерживается В. М. Ганцов в своем описании языковых особенностей Радзивилловской летописи². Еще раньше высказался в таком же смысле Л. Л. Васильев, обращая внимание на написание *Ольвердъ* (при *Олгѣрѣдѣ*) (XIV в.) и сопоставляя его с *Юрьи* = *Jurji* < *Георгии*, где произошел «переход *г* в *j*»³. Подобное мнение подтверждается тем, что имя *Георгий* Γεώργιος встречается в древнерусском наряду с *Гюрги* также и в звуковом виде *Юрьи*, что указывает на произношение *г* = *j*(*ѣ*), причем такие написания, как *Юрги*, *Юрьги*, *Гюрьи* (Лаврентьевская, Радзивилловская летописи), являются посредствующими ступенями графической передачи.

Во всяком случае несомненно, что в написании *Гюрги* мы не имеем перед собой действительное *г*. Потому является возможным употребление после *г* то *ю*, то *у*, то *е* или *о*, а также *ѣ* с одинаковым звуковым значением. Так, например, читаем в Ипатьевской летописи под 1095 годом: «идоша Половць ко Гурьгову... Гюргевици же выбѣгоша... И повелѣ еиѹ Мюрину со Гурговцѣ сѣсть ту... а Гюргевъ зазгоша Половць тощѣ». Тут повторяется одно и то же название города с производными в двойном виде: *Гурьгову*, *Гурговецъ* и *Гюргевъ*, *Гюргевици*. Эти написания во множестве встречаются в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской летописи наряду с *Гургеву*, *Гюргевъ*, *Гюргевици* имеется и написание без *г* в производном от названия города Юрьева — *Юргевци* (под 1095 годом). В разночтениях Радзивилловского и Академического списков здесь представлена форма *Гургевци* (там же). Написания Лаврентьевской летописи ясно свидетельствуют о *г* = *j*. Написания без *г* известны и в Ипатьевской летописи. Вообще же имя Георгий встречается в Ипатьевской летописи в следующих вариантах: *Георгии*, *Георгия* (1126, 1130, 1144); *Гергия* (1107); *Гюрги* (1135); *Гюргеви*, *Гюргевича* (1141) и т. п. Полная, воспроизводящая греческий вид этого имени кипжная его разновидность (*Георгии*) встречается изредка, обыкновенно как имя святого, как собственное имя епископа, реже — князя; в разговорном же языке преобладала «простонародная» разновидность этого имени с *ю* (*Гюрги*). Нет сомнения в том, что *Гюрги* представляет фонетическое изменение этого имени в славянских устах при устном заимствовании; *ю* здесь является закономерной заменой греческого *о* славянским *у* в заимствованных из греческого словах, причем предыдущее *е* стало неслоговым *ѣ* (> *ѣ*): *Гюрги* < *Геурги* (*Геурги*). Ср. канун из греч. *κωνων*

¹ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 180.

² См. В. М. Ганцов, Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи, ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 194.

³ См. Л. Л. Васильев, К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII веках, ИОРЯС, т. X, кн. 2, 1905, стр. 222—223.

«правило, устав, песнопение, которое поется на вечернем богослужении». Упомянутый выше единичный пример *Гергию* (род. п. ед. ч.), возможно, является компромиссной формой между книжным и простонародным видом этого имени, если это не простая описка; ср., однако, болг. *Герги*.

Если, следовательно, исходить из заимствованного при церковнославянском посредстве и письменной традиции значения знака *г* = фрикативный *j* впереди *е, и, ъ, ю*, то слово *Гюрги*, *Гурги* можно было бы читать как *йурји*. В пользу этого говорят многочисленные примеры в Лаврентьевской летописи, где наблюдается полный беспорядок в употреблении написаний со знаком *г* и без этого знака с одним и тем же звуковым значением. Имя одного и того же лица, великого князя Юрия Всеволодовича (1212—1238), сына известного Всеволода Юрьевича из «Слова о полку Игореве», видоизменяется в летописном тексте, относящемся ко времени его деятельности, в следующем виде: *Георгии*, *Юрги* (1212), *Гюрги*, *Георгии* (1213), *Юргемъ*, *Юрьсва*, *Юрги* (1217), *Гюрги* (1218), *Георгии* (1219, 1220), *Гюрги* (1221, 1222), *Георгия*, *Юргю* (1223), *Гюрги*, *Гюргевъ*, *Гюрги* (1224, 1225), *Гюрги*, *Георгии* (1226), *Гюргю*, *Гюрга*, *Гюрги* (1227), *Гюрги*, *Гюргеви*, *Гюргю*, *Юргева*, *Юрги* (1228), *Георгии*, *Гюргю*, *Юргі*, *Юрги* (1230) и т. д. Попадаются и такие случаи, где знаки *г* и *ѣ* употребляются рядом одновременно; ср. в Лаврентьевской летописи: *Гюргъа* (1151, 1155), *Гюргѣи* (1157). Оба способа — со знаком *г* и без него — имели для писца одинаковое фонетическое значение — *йурји*. В Ипатьевской летописи написание *Юрьи* тоже встречается: *Юрьи* (1133, 1135). Таким образом, мы приходим к заключению, что в древнерусском существовало произношение знака *г* перед передними гласными в виде *j* (или *й*), в пользу чего Лаврентьевский и Радзивилловский списки дают несомненные доказательства.

4

В Ипатьевской летописи имеется, однако, и другое написание того же имени, которое указывает на то, что знаку *г* в положении перед передними гласными принадлежит и иное звуковое значение. Мы имеем в виду написание *Дюрди*, которое может считаться особенностью правописания Киевской летописи. Ср. под 1135 годом: «тоѣ же зимы совкоуи вои Киевський, а Дюрди Переюславчи, и стояша 50 дѣни оу Киева». Ср. также: *Дюрдеви* (1142), *Дюрдеви* (1143), за *Ярослалича*, за *Дюрда* (1144). В остальных рукописях Киевской летописи, входящих в состав Хлебниковского, Погодинского, Ермолаевского списков, находим то же написание этого имени. Соболевский, усматривая в написании *Дюрди* диалектную особенность древнерусского киевского говора, считал эту форму звуковым изменением старшего *Гюргии* Начальной летописи (читая первое с мягким *д*, а последнее с мягким *е*)¹. Основанием для такого взгляда послужило известное в великорусских говорах изменение *Овдокия* > *Овдокья* > *Овдотья* и т. п. К этому мнению присоединился в своем возражении на работу Соболевского о древнем киевском говоре А. Крымский, некритически сопоставляя формы *Дюрдь*, *Дюрди*, *Дюргъ* Ипатьевского списка с турецким заимствованием *герданки*, *дьорданки* (Киевская область), галицк. *гердан*, *дьордан* «ожерелье из стеклянного бисера» (ср. серб. *ћѣордан*) и ссылаясь на переход *т' > к'* в укр. *кіло* < *тѣло*².

Еще менее убедительно объяснение Шахматова, которое находится в явном противоречии с его взглядом на звуковое значение знака *г* перед передними гласными. Как и у Соболевского, тут предполагается диалектное изменение *к' > т'* в заимствованных словах в древнерусском киевском говоре (*Овѣдотія*, *Лоутія* нѣ); переход *г' > д'* в форме *Дюрди* должен

¹ А. И. Соболевский, Древнерусский говор, ИОРЯС, т. X, кн. 1, 1905, стр. 319.

² А. Е. Крымский, Древнекиевский говор, ИОРЯС, т. XI, кн. 3, 1906, стр. 376 и сл.

Доубровчани и Срѣбли» (=серб. међи «между, межъ») (1387, стр. 200), «како си соу и прѣге имали» (=пређе «прежде») (там же). Употребление знака *ѡ* вместо *ѡ* также имеет в старосербской графике свое точное соответствие. Ср. в уже цитированной грамоте XIII в: *съ вѣѣми медами... како к отъ прѣде било* (стр. 594). О произношении *ѡ* = *ѡ'ж'* свидетельствует и нынешнее серб. *Ђорђе* «Георгий», *Ђурђев дан* «день св. Георгия». Необходимо, следовательно, считать *ѡ* с двояким значением глаголического *М*, кирилловского *ѡ* перед передними гласными.

Конечно, не все составители, писцы и читатели славянских литературных произведений настолько хорошо говорили по-гречески и были знакомы с тонкостями греческого произношения, чтобы различать между *ѡ* = *ѡ* в *Ниневъитъ*, *Георгии* и *ѡ* = *ѡ'ж'* из *ѡ* в *ангелъ*. Поэтому нужно допустить, что при таком двояком значении знака *ѡ* в положении перед передними гласными *ѡ* и *ѡ* были возможны оба произношения, а потому и имя *Георгий* могло звучать и действительно звучало как *ѡ*, так и с *ѡ'ж'*. Доказывается это древнерусским написанием *Дюрди*, где *ѡ* недвусмысленно обозначает произношение с аффрикатой *ѡ'ж'*. Буква *ѡ* не могла обозначать *ѡ*, не могла она обозначать и *ѡ'*, которое не могло произойти из *ѡ*. Ею передавали аффрикату *ѡ'ж'*, для которой старались найти (из-за многозначности знака *ѡ*, означавшего взрывное *ѡ*, фрикативное *ѡ* и вместе с тем *ѡ* и *ѡ'ж'*) более подходящее обозначение. Знак *ѡ*, который читался как *ѡ'ж'*, встречается в слове *дождь*, как оно писалось в Киеве по церковнославянскому способу. Что автор подлинника Киевской летописи, которому это правописное новшество, несомненно, принадлежит, произносил свое *ѡ* в *Дюрди* как *ѡ'ж'*, видно из того, что в списках Киевской летописи оба знака употребляются в этом слове попеременно как однозначные. Отсюда следует, что звуковое значение знака *ѡ* равнялось аффрикате *ѡ'ж'* (при звуковом значении *ѡ* знаки *ѡ* и *ѡ* не могли бы смешиваться). Действительно, наряду с *Дюрди* и *Гюрги* в Киевской летописи имеются такие написания, как *Гюрди* и *Дюрди*. Возможно, что новгородский писец, привнося свой новгородский способ обозначения *ѡ'ж'*, смешивал оба знака. Ни одного раза, однако, не встречаемся тут с написанием *Юрди* или *Дюрѡ*, что указывало бы на произношение *ѡ* = *ѡ*. Нужно заметить, что в Ипатьевской летописи нет также написаний *Юрѡ* или *Гюрѡ*, которые характерны для Лаврентьевского списка. Здесь известны лишь написания с однозначным употреблением букв *ѡ* и *ѡ*: *Гюрѡ* (1135), *Дюрди* (1135), *Гюрди* (1136), *Дюрѡв*. Полное смешение *ѡ* и *ѡ* в одном и том же значении, ясно свидетельствуемое приведенными написаниями, говорит вполне определенно о произношении *ѡ'ж'*. В пользу этого говорят написания позднейших южно-русских грамот, где было введено другое правописное новшество — *ѡж* или *ѡ* (иногда *ѡ*). *ѡжюрѡвичъ*, *ѡжюрѡвичъ* соответствует тут написаниям

Дюрѡвичъ или *Гюрѡвичъ* Киевской летописи, и *ѡжюрѡмъ* *перероскимъ* — написаниям *Дюрди* или *Гюрѡ*, *Дюрди*, *Гюрди*.

Буква *ѡ* перед передними гласными, следовательно, с самого начала имела в древнерусском языке двоякое значение: *Гюрѡ*, произносившееся с *ѡ*, повело к упрощенному написанию *Юрѡ*; *Гюрѡ* с *ѡ'ж'* было заменено для большей ясности правописанием *Дюрди* Киевской летописи и *ѡжюрѡжи*, *ѡжюрѡ* югозападнорусских грамот. Нынешний русский язык и его наречия сохранили произношение *Юрий*, *Юра*. Бывшее прежде в такой же мере «простонародным» *Гюрѡ* = *Дюрди* (= *Джюрджий*, *ѡжюрѡжий*) было вытеснено книжной формой (или заимствованием) *Георгий*.

Обратимся к объяснению слова *ѡжѡ* (*дожѡ*), род. п. ед. числа *ѡжѡ* (*дожѡ*), твор. п. ед. числа *ѡжѡмъ*, дат. п. ед. числа *дожѡю*, *бездожѡ* и т. п. Ясно, что писец, употребляя *ѡ* и йотованные буквы *ѡ* (*ѡ*), *ѡ*, а также

е вместо о, хотел подчеркнуть иное звуковое значение знака г по сравнению с его значением в положении перед задними гласными а, о, у, ы, ъ, где выступал задненёбный взрывной согласный. Шахматов, как мы видели, читал написание *дѣжгъ* как *дѣжѣ*, считая сочетание *жѣ* продолжением праслав. *зг* перед передними гласными, предшествующей ступенью нынешнего великорусского *ж'ж'*. Он вынужден был прибегнуть к историко-фонетической стилизации, гипотетически конструируя глухой эквивалент этого сочетания *ш'х'* (из *ск*) и выводя из него *ш'ш'*. Однако употребляемые в русском языке наряду с *ш'ч'*, *ж'д'ж'* сочетания *шш'*, *ж'ж'* не нуждаются для своего объяснения в искусственно придуманных промежуточных ступенях, ибо получились они из *ш'т'ш'*, *ж'д'ж'* вследствие ослабления и полного устранения затвора. Уже эта необоснованность гипотезы с точки зрения артикуляционной делает объяснение слова *дѣжгъ* = *дѣжѣ* неприемлемым: произношение *дѣжѣ* в живой речи никогда не существовало. Единственно возможным значением *г* в этом слове было *д'ж'*. Под написанием *г* в значении *д'ж'* в этом слове не скрывается какая-то мнимая диалектная особенность древнего новгородского говора, теперь будто бы исчезнувшая; оно является обозначением того же явления, которое в киевском и северо-восточном письме обозначалось посредством традиционного (церковнославянского) *Ѣ* после *ж* (*дѣжѢ*), в галицко-волинском и западнорусском — при помощи *ч* (*дѣжчѣ*). Всеми тремя написаниями передавался один и тот же закономерный заместитель праславянского *зг* перед передними гласными, т. е. смягченное сочетание *ж'д'ж'*. Различная графическая передача одной и той же аффрикаты *д'ж'* в древнерусской письменности не может вызывать удивление: в кириллическом письме, в основе которого лежал старославянский звуковой состав, не было особого знака для аффрикаты *д'ж'*. В письменной передаче слов с этой аффрикатой в сочетании с предыдущим *ж* в русском правописании до сих пор не выработано единообразия; ср. нынешние написания *дрожжи* (до недавнего времени также *дрожди*), *дождь*, *дождевой*, *приезжать*, *развозжисть*, *возжасть*.

На основании сказанного приходим к следующим выводам. Развитие древнерусской графики шло разными путями. Киев, как средоточие древнерусской образованности, придерживается традиционных церковнославянских написаний *дождь*, *Гюрги* (Начальная летопись) и вводит в XII в. правописное новшество *Дюрди* (*Ѣ* = *д'ж'*). Древнерусский северо-восток придерживается традиционного церковнославянского написания *дождь* и пишет *Гюрги* наряду с *Юрги*, *Гюрьи*, *Юрьи* (*г* = *ј*). В галицко-волинской и западной письменности, где знаком *г* передавались согласные *γ* (*h*) и *g*, был приспособлен для обозначения *д'ж'* новый знак *чж* или *жс* (*Чжсржи*, *Жсржи*), который мог заменяться знаком *ч* в значении звонкого и позднее стал употребляться и в слове *дождь*. Новгород, наоборот, *г* из слова *Гюрги* с звуковым значением *д'ж'* применил и в написании *дѣжгъ*, распространяя унаследованную церковнославянскую традицию и на другие случаи обозначения общерусской смягченной аффрикаты *д'ж'**.

* Покойный доц. Г. И. Геровский, видимо, не имел возможности ознакомиться со статьёй Р. Якобсона «Спорный вопрос древнерусского правописания (дѣжгъ, дѣжчѣ)» («Зборник у част А. Белића», Београд, 1937), специально посвященной исследуемому Г. И. Геровским вопросу. Учитывая данные русских диалектов и принимая во внимание графические особенности древнерусских памятников, Р. Якобсон приходит к заключению о том, что рассматриваемые различия в написании (*жс* в северных памятниках и *жч* в южных) не связаны с какими-либо различиями в произношении. Рефлексы сочетания *ж'д'ж'*, по мнению Р. Якобсона, совпадали на севере и юге древнерусского языкового мира. В статье делается интересная попытка объяснить наличие графических дублетов фонологическими различиями северной и южной систем согласных фонем. — *Ред.*